

ли с наклоном к потолку, чтоб они сфокусировали свет на потолок. И это можно сделать за день, ничего не меняя и не перестраивая. Это было так просто, что я сомневалась и, вспомнив своё когда-то злополучное изобретательство, помалкивала. Меня смущало то, что никто из стоящих рядом «технарей» не мог до этого додуматься, и потому сомневалась и в то же время верила в правильность этого решения.

Наконец, не выдержав, я сказала эту идею тихонько рядом стоящему начальнику КБ. Он был высокий. Наклонился ко мне: «Как, как?» Я повторила, уже уверенней, заметив его заинтересованность. И вижу: он пробирается через свиту к Булгакову и объясняет ему мою идею. Булгаков повеселел, пожал ему руку, похлопал по плечу и сказал: «Все свободны, товарищи». Идея сработала отлично. Отражатели поставили за полдня. Зал был освещён отлично. Отражатели давали свет на потолок, а он, как уже говорилось, был белый блестящий. Получилось очень красиво.

Когда мне сообщили, что начальник соседнего КБ получил хорошую премию за идею освещения конференц-зала, я призналась сотрудникам, что это моя идея. Вижу, мне не поверили. И я поняла, что лучше помалкивать. Нет, я не переживала. Была причина. Я знала, что если бы я сказала Булгакову свою идею, он бы меня замучил потом, как мучил предыдущего до меня художника-конструктора, таская его всюду за собой по командировкам. Вот уж что мне совсем не улыбалось. Я боялась Булгакова, а тем более командировок, так как у нас была маленькая дочь. Я поняла потом, что он потому меня пригласил тогда, что до этого я сделала удачный проект корпуса для нового в то время магнитофона «Весна».

Нет, нет, Булгаков из тех людей, от которых лучше держаться на расстоянии.

Я часто вспоминаю детство. Об этом напоминает современное бытие. Я вижу – дети во дворе не играют; дом